

Антон Волошин

Весна

Рассказы

12+

АНТОН ВОЛОШИН

Весна

«Автор»

2007

Волошин А. А.

Весна / А. А. Волошин — «Автор», 2007

ISBN 978-5-532-07673-0

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законодательством ответственность. Небольшой сборник избранных рассказов из того творческого периода, когда мучительно, нестерпимо хочется писать.

ISBN 978-5-532-07673-0

© Волошин А. А., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Первое марта	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Антон Волошин

Весна

Первое марта

Старый механический будильник отвратительно затарахтел на выдавшей виды деревянной прикроватной тумбочке военного образца. Скрипя пружинами металлической солдатской койки, Станислав Кручинин свесился со второго яруса и отключил звонок.

«Семь ноль», – подумал Станислав, – «пора!»

Он вздохнул полной грудью, задержал дыхание и прислушался к своим ощущениям. Воздух, как всегда, был спертым, но концентрация кислорода и содержание посторонних примесей были в норме. За годы жизни в бункере он научился определять это без всяких приборов. Поднеся к лицу висевший на шее персональный электронный дозиметр, Станислав, наконец, открыл глаза и взглянул на показания. Всего несколько лишних миллирентген, фильтровентиляционная установка работает сегодня весьма неплохо. Можно даже не навещаться в отсек генетического контроля и дезактивации. Это экономит полчаса, может еще вздремнуть? Хотя нет, лучше за это время проверить и почистить скафандр, чтобы не заниматься этим завтра, как того требует регламент. Стараясь скрипеть как можно меньше Станислав спустился с верхней койки, пошарил в темноте босой ногой по пыльному бетонному полу, нащупал свои стоптанные шлепанцы и, обувшись, побрел в направлении стены, где должен был находиться выключатель. Он шелкнул расхлябанным тумблером. Старая добрая лампочка накаливания в треснувшем черном патроне, свисавшем с потолка на двух отдельных проводах, пролила свет на мрачное помещение, которое он, вот уже который год называл своим домом. Нештукатуренные стены с выбоинами, голый бетонный пол, который трескался и крошился слоями, отчего всегда был покрыт мелкими осколками бетона и цементной пылью да низкий потолок, на котором местами белели остатки извести, образовывали прямоугольное помещение площадью около шести квадратных метров. Из предметов интерьера присутствовали только двухъярусная солдатская койка, прикроватная тумбочка, небольшой шаткий деревянный столик, одной из ножек стоящий на плотно сложенной старой газете, пара жестких стульев, напольная вешалка с двумя комплектами потертой, заштопанной в нескольких местах офицерской формы, висящий на стене репродуктор общего оповещения и решетка вентиляционной системы. Довершала картину висевшая на гвозде, вся исцарапанная, гитара с мятым атласным бантом на грифе. Деревянная, обшитая жостью с облупленной краской дверь закрывалась изнутри на шпингалет, а снаружи имелись петли для навесного замка. Лампочка мерцала с непостоянной частотой, похоже, генератор барахлил.

– Стас... – Константин, сосед Станислава по отсеку, невнятно забормотал во сне, отвернулся к стене и снова тихонько засопел, натянув на голову выцветшее синее одеяло.

Сегодня был выходной, общего подъема не играли, и Константин мог нежиться в койке, сколько ему заблагорассудится. Станислав же заступал на дежурство, поэтому сегодня, первого марта, вынужден был встать в семь утра. Шаркая ногами и покачиваясь, он побрел к вешалке и стал неторопливо одеваться.

«Весна наступила», – подумал Станислав и невесело усмехнулся, – «хотя какое это имеет значение».

Одевшись и накинув на затылок ветхую неправильной формы фуражку с треснувшим пластиковым козырьком, он подошел к кровати и принялся будить соседа.

– Костя, – тихим виноватым голосом сказал Станислав, слегка прикоснувшись к плечу Константина, – закрой за мной дверь.

Константин взглянул на него сонными глазами, молча поднялся с койки и вслед за Станиславом подошел к двери.

- Пока! – сказал Станислав, делая шаг в коридор, – Извини, что потревожил.
- Счастливо отдежурить, – пробормотал Константин и щелкнул шпингалетом.

Коридор отличался от их жилого отсека только тем, что был узким и длинным. Те же грубые стены, тот же неровный пол, те же репродукторы на стенах, то же мерцающее освещение. Только некоторые лампы не просто свисали с потолка, а были помещены в пыльные мутные плафоны, защищенные редкой проволочной сеткой. Станислав двинулся вдоль дверей таких же жилых помещений по обе стороны коридора, в направлении тяжелого стального люка, снабженного механизмом для герметичного задривания, который виднелся в конце прохода. С потолка повсюду свисала паутина, кое-где валялись обрывки пожелтевшей бумаги и осколки разрушающихся стен, потолка и пола. Подходя к люку, Станислав затаил дыхание, так как слева от него располагалась покосившаяся дверь общей уборной, запах здесь стоял не из приятных. Это был отсек для младших офицеров и условия жизни здесь были еще вполне сносными. Гражданские, укрывающиеся в бункере, жили в гаражах, складах, агрегатных, подсобках и других помещениях, которые приспособили для жизни сами. Они любили бывать в гостях у друзей-офицеров, радуясь возможности насладиться относительным комфортом. Доступ в отсеки, где жили генералы и высокие чиновники был ограничен.

Станислав раздвинул люк и оказался в тамбуре, где имелась шахта с ведущей наверх лестницей. Через сложную систему коридоров, лестниц, шахт, горловин, пандусов и проходных помещений он направился на пищеблок, располагавшийся несколькими уровнями выше. К пищеблоку примыкало помещение для мытья рук, куда и вошел Станислав в первую очередь. Матовая кафельная плитка на полу была мокрой и скользкой, плитка на стенах, выкрашенная зачем-то в синий цвет, кое-где отсутствовала. Грязные фаянсовые раковины стояли вдоль стен помещения на сваренных из арматуры ржавых подставках, некоторые были разбиты, над некоторыми висели местами потемневшие зеркала, по углам имелись полки со старыми, грязными искусственными цветами. Они были некрасивы, но на общем фоне радовали глаз. Станислав подошел к раковине и с трудом открутил разболтанный барашек на позеленевшем медном кране. Позаимствовав с соседней раковины раскисший кусок хозяйственного мыла, он вымыл руки и умылся. Побрился он с вечера и сейчас был рад этому. Станислав взглянул в мутное зеркало. Выглядел он не лучше и не хуже любого обитателя бункера: худое мертвецки белое лицо, утомленные плохим освещением, но все еще красивые выразительные глаза, волосы с проседью. Ему было тридцать шесть, но на плечах все еще красовались капитанские погоны. Продвижения по службе здесь, в бункере, были редким явлением и случались только после смерти одного из вышестоящих офицеров.

Пройдя в столовую, он получил свой завтрак и паек на суточное дежурство. Ел он без аппетита. Пища состояла из консервов, заготовленных еще до войны да кое-каких овощей. Ученые умудрялись выращивать их в огромном пустом хранилище на самом нижнем ярусе бункера. Это хранилище обитатели маленького подземного города ласково именовали садом. Запасов продовольствия на складах бункера, по расчетам, должно было хватить еще лет на десять, но что будет потом никто не знал, все боялись об этом думать. Ждать помощи было неоткуда.

Позавтракав, Станислав вновь углубился в хитросплетение шахт и коридоров, он направлялся в аудиторию, где проводился инструктаж заступающей смены. По распоряжению инструктаж проводился в восемь, и у него оставалось в запасе еще целых полчаса, которые он сэкономил, отказавшись от медицинского обследования. Он собирался посвятить это время техническому обслуживанию своего скафандра, но передумал. Не хотелось ходить туда сюда, к тому же завтра специально для этой цели будет отведен целый час. Аудитория для инструктажа являлась также залом совещаний высшего начальства и была самым роскошным помещением

бункера, в котором доводилось бывать Станиславу: лакированные столы, мягкие стулья, стены, обшитые пластиком, золоченая символика страны, от которой остался лишь этот бункер да еще несколько подобных. Постучав, Станислав открыл дверь и остановился на пороге аудитории.

– Прошу разрешения, капитан Кручинин, – четко проговорил он.

– Проходите, Кручинин! Куда заступаете? – спросил пожилой подполковник, заступающий дежурным по убежищу, хотя лист со списком заступающих на сегодня лежал перед ним на столе.

– Дежурным по обсерватории, – так же четко ответил Станислав.

– Хорошо, присаживайтесь, – сказал подполковник, изучая какие-то бумаги.

Кроме подполковника в аудитории находились всего человек восемь офицеров, которые, видимо, тоже пропустили обследование. Некоторые сидели молча, другие тихо о чем-то разговаривали между собой. Станислав занял место в третьем ряду и стал терпеливо дожидаться инструктажа. Минут через двадцать собралась вся заступающая смена, всего около двух десятков человек, и подполковник начал инструктаж, ничем не отличающийся от тысяч таких же, проводившихся ежедневно из года в год: выдержки из инструкций, указания по поводу того, на что следует обратить особое внимание, приказы командования, требования бдительности и ответственного подхода к несению службы. Станислав выслушал все это в полудреме, никаких новых вводных не было, а обычный инструктаж он, как и все остальные, знал наизусть. Но, порядок есть порядок. Все-таки, они военные, несмотря ни на что.

«По местам несения службы разойдись!» – прозвучала знакомая команда, и Станислав влился в поток офицеров, потянувшихся к выходу. Пройдя через несколько коридоров, и поднявшись на один уровень вверх, он оказался в шлюзовом отсеке и начал подготовку к выходу на поверхность. Обсерватория находилась за пределами бункера и была построена уже после войны. Станислав вошел в раздевалку, в которой хранились личные скафандры людей, в обязанности которых входил выход на поверхность. Это было квадратное помещение с металлическими шкафами вдоль стен и деревянной скамьей в центре. Вскрыв свою ячейку, он достал скафандр и бегло его осмотрел. Вроде все в порядке. Станислав снял форму, уложил ее в ячейку и переделся в мягкий теплый комбинезон, плотно облегающий тело, который полагалось носить под скафандром. После этого он подошел к ящику у противоположной стены и извлек из него заряженный аккумулятор и заряженный воздушный баллон. Аккумулятор был необходим для питания сервоприводов ходьбы, а баллон – для дыхания и поддержания нормального давления в герметичном скафандре. Сам скафандр в сборе весил около двухсот килограммов, состоял из гибкого многослойного пластика со свинцовым покрытием, особо уязвимые для радиации органы прикрывались дополнительными свинцовыми пластинами. В целом конструкция представляла собой нечто среднее между доспехами средневекового рыцаря и снаряжением первых водолазов, даже шлем напоминал легендарную трехболтовку. Станиславу скафандр не нравился, если бы ему предложили создать средство защиты и передвижения по поверхности, он снабдил бы его прочным корпусом и поставил на гусеничный ход. Но это были только его личные соображения. Он втиснулся в скафандр, загерметизировал его, поприседал, проверяя сервоприводы, помахал руками и бодро направился к шлюзовой камере. Система диагностики, сигнализировала, что все цепи в норме и герметичность не нарушена. Перед тем как оказаться в шлюзовой камере он прошел через мойку, помещения для дезинфекции и дезактивации. Сейчас эти системы бездействовали, процедуру очистки проходил лишь человек, входящий в бункер с поверхности. Попав, наконец, в шлюз он тщательно проверил герметичность внутренней двери и дернул рубильник открытия внешней.

По ту сторону внешней двери бушевала ядерная зима. Беспросветную тьму неба то и дело пронзали вспышки молний, проливая свет на мрачный и на первый взгляд безжизненный ландшафт. Станислав включил прожектор на шлеме скафандра, сделал несколько быстрых шагов и, с ходу, от души, пнул носком металлического ботинка мохнатого паука-птицееда, размером с

небольшую кошку, копошившегося у входа. От усиленного сервомоторами удара паук пролетел несколько метров, шлепнулся на спину, побился несколько секунд, пытаясь вновь перевернуться и, когда ему это удалось, поспешно скрылся в черных руинах воинской части, стоявшей когда-то над бункером. Если не считать людей, укрывшихся в бункерах, после термоядерной войны, продолжавшейся чуть более недели, на земле остались, только пауки, крысы и некоторые виды микроорганизмов. Во всяком случае, в их местности. Что творилось на других континентах, им было неизвестно. Ученые выяснили, что пауки и крысы практически невосприимчивы к радиоактивному фону. Тем не менее, за несколько послевоенных лет, под действием радиоактивного излучения, они увеличились в размерах и видоизменились, питаясь запасами из уцелевших, брошенных людьми складов, остатками человеческой жизнедеятельности и, с переменным успехом, друг другом. Наиболее преуспевший в освоении ядерной целины вид пауков – птицеда, ученые уже переименовали в крысоеда, так как ни одной птицы на земле, по-видимому, не осталось.

Станислав рассмотрел вдалеке проблесковый маячок обсерватории и направился к нему. Обсерватория представляла собой метеостанцию, научно-исследовательскую лабораторию, наблюдательный пост и, конечно, не предназначалась для наблюдения за небесными светилами. Небо, затянутое черными тучами из радиоактивной пыли паров воды и ядовитых газов еще долго не явит взору людей не только звезды, луну, но и само солнце. И, конечно, не небо в этом виновато, а они, люди. Люди, бездумно начавшие эту бессмысленную, сумасшедшую войну без победителей и побежденных, войну безвозвратно искалечившую старушку-Землю, войну за несколько дней уничтожившую все то, что природа создавала миллиарды лет, войну не оставившую надежды на грядущий мир. С чего все началось? Пожалуй, никто из выживших сейчас не сможет ответить на этот вопрос определенно. С какой-то там напряженности, с какого-то резкого высказывания, с первой, пущенной сгоряча, баллистической ракеты. После этого обратного пути уже не было. Зуб за зуб, глаз за глаз, ракета за ракету. Но если вдуматься, как же все это ничтожно мелко, в сравнении с масштабами разыгравшейся трагедии. Мечь, амбиции, честь, патриотизм, такие, на первый взгляд несовместимые понятия можно поставить в один ряд, перемешать и назвать пустым звуком, если сравнить с последствиями, к которым они привели. И самое удивительное то, что даже после тотального уничтожения, уцелевшие не успокоились. Свидетельством тому стала, обсерватория, к которой пробирался Станислав сквозь обугленные, оплавившиеся, а теперь ледяные развалины, поднимая с земли радиоактивный пепел, а порой, хрустя темно-серым снегом. Главным образом, обсерватория предназначалась для своевременного обнаружения приближающегося противника, на случай, если ядерная зима не охладила его пыл. Чтобы не демаскировать бункер дороги от него к обсерватории не существовало, более того инструкция предписывала дежурным идти к обсерватории и обратно, разными, все новыми и новыми путями, чтобы не образовалась протоптанная тропа. И вот, неведомо уже в который раз, пробирался капитан Станислав Кручинин, сквозь лабиринт ледящих душу черных руин, распугивая огромных белых крыс и лохматых пауков, путая следы и задаваясь одним и тем же вопросом, на который никто и никогда не даст ответа: «зачем??». Зачем так изменился мир? Не почему, а именно зачем? Причину найти можно. Возможно, руководитель одной из сильнейших держав был не вполне психически здоров, а руководитель другой – тверд, решителен и непроходимо глуп. Но кому была нужна эта война, кто получил от нее выгоду? Ответ бесспорен и однозначен: «никто». Ни один человек не хотел этой войны, ни единому из нескольких десятков миллиардов, она не была нужна. Но, тем не менее, она случилась. Просто удивительно, как человечество, создавшее физику, математику, философию, раскрывшее и объяснившее все законы и явления природы, могло поступить настолько нелогично!

Подобные размышления всегда сопровождали Станислава в пути к обсерватории, занимавшем около часа, выматывавшем все психические и физические силы. Наконец, он прива-

лился спиной к наружной стене обсерватории и нажал кнопку вызова лифта. Обсерватория находилась на вершине бетонной башни, метров около тридцати высотой. Там, наверху его ждал майор Потапчук, у которого он должен был принять смену. Открылась раздвижная бронированная створка, и Станислав вошел в кабину лифта, являвшуюся в тоже время и шлюзовой камерой и помещением для дезактивации. Пока он поднимался наверх, автоматические системы мыли и обрабатывали его скафандр различными растворами, проверяли радиационный фон, снова мыли, снова обрабатывали, наконец, продули насухо сжатым воздухом и пропустили в помещение дежурного по обсерватории. Майор Потапчук явно ждал его с нетерпением. Он уже облачился в скафандр, оставив открытым лишь забрало шлема, из которого Станиславу приветливо улыбалось немолодое усатое лицо.

– Приветствую Вас, Станислав Владимирович, очень рад! – не будь на них скафандров, Потапчук наверняка обнял бы Станислава и похлопал его по спине. Его радость была вполне понятна. Станислав тоже всегда радовался человеку, меняющему его в этом гиблом месте, посреди радиоактивной пустыни в нескольких километрах от бункера.

– Доброе утро, Виктор Николаевич! Взаимно! Как отдежурилось? – постарался ответить в той же добродушной манере, Станислав.

– Как всегда: скучно и страшно, – уже из лифта ответил Потапчук, – документация заполнена, аппаратура в строю, горизонт чист, – рапортовал он, пока закрывалась дверь, – Спокойного дежурства!

– Счастливого пути, – пожелал в ответ Станислав и принялся освобождаться от скафандра. Оставшись в приятном мягком комбинезоне, он оставил скафандр в углу и уселся в удобное кресло за рабочим местом дежурного по обсерватории; взглянул на записи Виктора. «Дежурство с 28 февраля на 1 марта...» – Станислав расписался и отбросил книгу – стандартный рапорт, переписывающийся изо дня в день все эти годы. Он проверил приборы, снял показания, осветил для порядка горизонт мощным прожектором, позвонил в бункер, доложил, что дежурство принял и замечаний не имеет, после чего разложил кресло, откинулся на спинку и расслабился. Пожалуй, он стареет, раньше путь от бункера до обсерватории не отнимал столько сил. Он выключил свет и закрыл глаза.

Наверное, он задремал. Открыв глаза, он огляделся, хронометр на столе подсказывал, что прошло около двух часов. Маленькое помещение обсерватории освещалось лишь разноцветными контрольными лампами приборов и, временами, ослепительными вспышками молний сквозь панорамное окно. Станислав осветил прожектором темный горизонт, который, как всегда не таил ничего необычного. Но когда он выключил прожектор, что-то привлекло его внимание. Где-то вдалеке он заметил посторонний свет. Луч был совсем тусклым и растворялся в свете прожектора, но когда он был отключен, отчетливо просматривался в темном окне. Здесь что-то не так! Станислав встревожился. Он сложил кресло, настроил спектрометр и обомлел. Показания соответствовали спектру солнечного света. Солнце?..

Он сорвался с кресла и стал лихорадочно надевать скафандр. Снарядившись, он опрометью бросился к лифту и, покинув башню обсерватории, во весь дух помчался вдале, туда, к этому неизвестному лучу с солнечным спектром. Станислав не отдавал отчета своим действиям, он просто бежал к этому необъяснимо манящему лучу, бежал несколько часов кряду настолько быстро, насколько позволяли маломощные сервоприводы. Свет становился все ярче, становилось ясно, что он исходит с неба, Станислав даже различил брешь в сплошной черной завесе туч, сквозь которую он лился. Вбежав в это единственное светлое пятно на раскинувшейся во все стороны черной радиоактивной пустыне, он упал на колени и поднял вверх глаза. Чувства переполняли его, словно он взглянул в глаза самому господу Богу. Он первый человек, видящий солнце! Он опустил голову, переводя дух. Краем глаза он заметил в этом светлом кругу, что-то совсем необычное, совсем позабытое, такое, что он уже никогда не надеялся увидеть. Повернув голову, он замер, не в силах шевельнуться, дыхание перехватило. Там, всего

в паре метров от него, серо-бордовый снег начал таять, и из-под черного намокшего радиоактивного пепла пробивались крошечные белые цветы. Их было только два, один больше, другой чуть меньше, у меньшего один из лепестков пожелтел и свернулся из-за радиации. Подснежники!!! На глаза Станислава навернулись слезы. Он рассмеялся, а потом зарыдал, как ребенок. От усталости и одолевающих его чувств он не удержал равновесие и ничком упал на землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.